

Wywiady

Интервью

Wywiady z filozofami krajów słowiańskiego obszaru językowego zamieszczone w kolejnych tomach Pisma „ΣΟΦΙΑ” mają na celu przybliżenie aktualnie najbardziej znaczących postaci filozofii poszczególnych krajów słowiańskich.

(Redakcja)

Profesor Władimir A. Konew mówi o swoim filozofowaniu

Профессор Владимир Александрович Конев говорит о своем философствовании

Panie Profesorze, Pana miejsce w filozofii nie tylko rosyjskiej, ale także wśród filozofów krajów słowiańskich jest znaczące. Po ukończeniu studiów filologicznych w 1959 roku w Uralskim Uniwersytecie Państwowym podjął Pan pracę nauczyciela w Krasnoturjinsku (obwód swierdłowski) i jednocześnie był Pan aspirantem w Katedrze Estetyki na Wydziale Filozoficznym Uniwersytetu Moskiewskiego im. Łomonosowa. Po obronie dysertacji z zakresu estetyki w 1964 roku podjął Pan pracę najpierw w Nowosybirskim Instytucie Elektrotechniki, a następnie w Uniwersytecie Nowosybirskim. Od 1972 roku jest Pan naukowo związany z Samarskim Uniwersytetem Państwowym, także po przejściu na emeryturę, czynnym zawodowo nauczycielem akademickim. Angażuje się Pan jednocześnie w działalność i rozwój Katedry Filozofii, której jest Pan dyrektorem. Jest Pan Profesor autorem wielu znaczących, nie tylko dla kultury rosyjskiej, ale także dla kultury narodów słowiańskich, publikacji z zakresu filozofii kultury i antropologii filozoficznej. Jest Pan także członkiem rady naukowej czasopisma „Международный журнал исследований культуры” wydawanego w Sankt-Petersburgu oraz Pisma filozofów krajów słowiańskich „ΣΟΦΙΑ”. W obszarze Pana zainteresowań naukowych znaczące miejsce znajduje także filozofia polska. Zna Pan Profesor doskonale język polski. W latach 1985–1991 pracował Pan Profesor w Instytucie Filozofii Uniwersytetu Śląskiego w Katowiu-

cach, prowadząc zajęcia z filozofii kultury i estetyki. To zaledwie kilka informacji dotyczących Pana Profesora osiągnięć naukowych. Sądzę, że informacje na temat Pańskiej Osoby, zwłaszcza wśród młodszego pokolenia filozofów krajów słowiańskich, także wśród Czytelników Pisma „ΣΟΦΙΑ”, nie są pełne. Czy mógłby Pan Profesor przybliżyć swoją Osobę, w tym także ważne zdarzenia z dotychczasowego życia, a zwłaszcza Pańskie stanowisko teoretyczne?

ВАК: Сфера моих теоретических интересов – философия культуры и философская антропология. Принимая понимание культуры как средства трансляции и хранения социального опыта (исходно и очевидно, что культура предстает как традиции и достижения предшествующих поколений), я интересуюсь не самими этими традициями или достижениями, которые в каждой культуре свои и могут быть совершенно не похожи на традиции и достижения другой культуры, а тем, что позволяет культуре быть культурой. Почему вот эта культура, где принято такое-то действие, и вот эта другая культура, которая считает это действие невозможным, являются культурами? Ведь когда-то европейцы считали все не европейские народы варварами, то есть некультурными народами. Но сейчас мы так не мыслим. Значит, культуру конституируют не сами достижения и традиции, или, по крайней мере, не только они. Достижения, традиции, смыслы – это содержательный слой культуры, а есть еще некий формальный строй культуры, который присущ культуре как культуре, который и позволяет быть некоей особой действительности. Вот сфера моих научных интересов – анализ универсальных форм культуры. Если воспользоваться традиционным красивым философским термином – анализ трансцендентальных форм культуры, или трансцендентальной культуры. Это, как я показываю, универсальные культурные формы, которые, с одной стороны, являются формами передачи конкретного опыта, а, с другой, выступают специфическими культурными категориями, т.е. универсальными автохтонными смыслами культуры. Какие это формы? Это формы демонстрации (примеры, образцы и т.п.), это императивные формы (правила, нормы, инструкции и т.п.), это аксиологические формы (ценности) и формы-принципы, в которых содержатся сущностные представления о действиях и ситуациях. Такие формы характеризуют любую культуру, хотя конкретное содержание они могут передавать различное.

Наряду с универсальными культурными формами культуру как культуру характеризует универсальная культурная способность – способность утверждать, которая несет в себе силу разграничения, различения. Способность утверждать стоит в ряду со способностью познания, критический анализ которой дал Кант, и со способностью быть, аналитику которой дает Хайдеггер. Это открывает возможность философии культуры как философской критики оснований всякого произведения. Именно здесь проходит

демаркационная линия между философией культуры и *cultural studies*. Для философии культуры есть одна «чистая» культура, культура как таковая, как особая трансцендентальная способность, способность утверждать, продуцировать мир событий/произведений, а для наук из сферы *cultural studies* есть множество культур, и множество произведений.

Второе направление моих научных занятий, связанное, конечно, с первым по происхождению и по содержанию – это проблема индивидуальности. Что такое индивидуальное бытие и какова его природа? Эта проблема не такая простая, как кажется на первый взгляд. Мы все прекрасно различаем индивидуальные особенности того или другого. Но как это происходит? Вся европейская философская и научная традиция была связана с изучением и осмыслением *общего*, а не *индивидуального*. Наука не изучает индивидуальное – вот этого зайца или этот падающий камень, ее интересуют законы, которые определяют жизнь всех зайцев и всех падающих камней. А современное общество и современный человек все больше и больше начинает ценить индивидуальность. А потому становится важно понять ее сущность. Но тогда мы сталкиваемся с новой проблемой универсалий, которую я сформулировал когда-то на Первом Российском культурологическом конгрессе (2006 г.):

- существует ли индивидуальность как некая универсальность, или индивидуальность всегда вот эта и только эта;
- если есть универсальность (всеобщность) индивидуальности, то чем она отличается вот от этой индивидуальности;
- если же индивидуальность всегда только вот эта, то как мы можем ее знать, как она становится всеобщим достоянием.

При философском осмыслении способа определения индивидуального бытия, которое вступает в особые отношения со своим окружением, открывается новое пространство определения конкретного бытия, которое кардинально отличается от пространства Декартовых координат, которое я назвал Дантовыми координатами – координатами апофатического пространства. Принцип определения сущего в Дантовых координатах – принцип отрицания, который ограничивается силой утверждения.

Думаю, что в современном гуманитарном знании проблематика индивидуальности и различия так или иначе постоянно возникает, и здесь, конечно, требуется работа философии. Она уже благодаря Фридриху Ницше проложила первые борозды на этом поле, а Жиль Делёз разметил поле этого исследования, но работы здесь еще много.

Współcześnie powszechny jest pogląd, że filozofia przeżywa kryzys. Formułowany jest wręcz sąd o końcu filozofii. Czy podziela Pan Profesor ten sąd? Jeśli nie, to w czym należy dostrzegać szanse filozofii? Czy mógłby Pan Profesor wskazać na przyczyny i konsekwencje aktualnej sytuacji filozofii? Czy filozofia

wie i filozofia ma jeszcze coś do powiedzenia współczesnemu człowiekowi? Jeśli tak, to jakie problemy uznaje Pan Profesor za szczególnie istotne dla współczesnego człowieka i jego rozumienia świata?

ВАК: Я не сторонник точки зрения, что современная философия переживает кризис. А тем более, что наступает конец философии.

Если философия – это осмысление последних, самых основных, самых фундаментальных оснований жизни человека и мира, то у нее не может быть конца, ибо тогда должен наступить и конец жизни человека и его мира. Конечно, сам человек смертен, конечно, смертны и те или иные культуры, или исторические ситуации, а вместе с тем «смертны», конечны, и те философские концепции, которые осмысливали основания ЭТИХ состояний. Но история, человечество, культура, которая даёт возможность быть истории и человечеству бессмертным, поэтому будет сохраняться и потребность в философии (возможная космическая «смертность» человеческого существования на Земле – это не характеристика самого человечества, его истории и культуры. Такая «смерть» не включена в жизнь человека). А если сохраняется потребность в философии в каждом настоящем, то философия постоянно «воскрешает» и философию тех времён и культур, которые уже перестали актуально существовать.

Теперь вопрос – а что может философия сказать современному человеку? Конечно, можно просто сослаться на то, что вопросы, на которые, согласно Канту, должна ответить философия: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» – или «Что такое человек?», – остаются вечными вопросами, на которые каждое поколение людей ищет ответы. Но я бы указал на одно значимое обстоятельство для жизни современного человека, как на обстоятельство, требующего философского осмысления. Это проблема современного этапа развития европейской цивилизации.

Мы являемся свидетелями как глобальных, так и локальных потрясений. Например, для нас, философов славянских стран, болезненны события, которые захватили Россию, Украину, Польшу. Кто бы мог представить 20–30 лет назад, что так разойдутся судьбы двух братских народов – русского и украинского? А нынешние отношения Польши и России? Конечно, в истории России и Польши было немало эпизодов, имевших трагические последствия как для одних, так и для других. Но все-таки народы чувствовали родство культур. Для меня, например, как представителя русской культуры, польская культура всегда была культурой, которая показывала, что достоинство человека стоит выше всех ценностей. Это идея европейского Возрождения, но эта идея представала для меня в родной, славянской, тональности.

У нынешних противоречий есть множество причин. Но, думаю, что за множеством локальных столкновений стран и культур лежат тектонические сдвиги, тектонические разломы в плите самой европейской цивилизации. Именно эти разломы и должны стать предметом философской рефлексии. Думаю, что с этим связаны самые значительные и перспективные достижения европейской философии второй половины XX века, прежде всего философия Жюль Делёза.

Отшумели споры вокруг постмодернизма, но все равно остался вопрос «Камо грядеши?» (*Quo vadis?*). Куда направляется современная европейская цивилизация. Постмодернизм как свобода стиливого разнообразия – это только внешняя форма. А что в глубине. Я думаю, что в глубине – переосмысление идеи культуры модерна, формирование культуры нового модерна, которая возвращает идею ценности и свободы человека её подлинный смысл. Свобода освобождается от необходимости, а человек от обязательной идентификации с внешними для него условиями.

Doświadczenie dydaktyczne i wiedza filozoficzna uprawnia Pana Profesora do oceny aktualnej sytuacji filozofii w Rosji. Czy mógłby Pan Profesor podzielić się z czytelnikami naszego Pisma refleksją na ten temat? Jakie zadania uznałby Pan Profesor za szczególnie ważne, przed którymi stoją filozofowie i filozofia w Rosji? Czy zadania te są podejmowane aktualnie przez filozofów rosyjskich?

ВАК: Как когда-то пелось в одной из советских песен: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек», так и я могу сказать, что философский пейзаж России пёстр и разнообразен. Достаточно сослаться на то, что на Российских философских конгрессах (они проходят раз в 4–5 лет, последний Седьмой, посвященный теме «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» состоялся в г. Уфе в 2015 году) философия представлена во всех своих предметных проявлениях, а доклады представляют сотни ученых всех регионов России. Дать хотя бы краткое обозрение того, как представлены философские изыскания на этих конгрессах, невозможно.

Я могу сказать немного о том, что происходит в той области философии, которой я занимаюсь, – в философии культуры.

Философская рефлексия культуры в отечественной традиции активно начали развиваться во второй половине XX века, когда вышедшая в 1967 году книга Э. Маркаряна «Очерки теории культуры», спровоцировала широкую дискуссию о сущности культуры и закономерностях ее развития. Тогда в СССР сформировались различные школы в сфере *cultural studies* – в Ереване, Тбилиси, Киеве, Ростове-на-Дону, Петербурге (Ленинграде), Екатеринбурге (Свердловске), Самаре (Куйбышеве). Масштабность этих исследований привела к тому, что ВАК СССР вынуждена была включить

в перечень научных специальностей, по которым присуждались научные степени степень – кандидата и доктора культурологии. В российской культурологии сохранились традиции, которые сформировались в 70–80 годы. Сейчас масштабность исследований в области культурологии после проведения четырех Культурологических Российских конгрессов, которые прошли в Петербурге, несколько спала, однако продолжает действовать Научно-образовательное культурологическое общество (НО-КО), которое объединяет представителей исследователей культуры со всей России (электронный адрес Сетевого сообщества «Российская культурология» – http://www.culturalnet.ru/main/page/noko_heads.html – даст представления о круге научных интересов его членов).

Хотел бы обратить внимание на ряд явления, которые объединяют многих исследователей культуры в России. В Санкт-Петербургском гуманитарном университет профсоюзов (ректор доктор культурологии, чл.-корр. РАН А.С. Запесоцкий) ежегодно проходят Международные Лихачевские научные чтения, которые посвящены различным аспектам глобализации и диалога культур. Здесь всегда проходят интересные дискуссии, в которых участвуют философы, гуманитарии разных специальностей. С материалами этих чтений можно ознакомиться на сайте гуманитарного университета профсоюзов (www.gup.ru/events/news/detail.php?ID=192133).

«Международный журнал исследования культуры». Научное рецензированное электронное издание. Выходит 4 раза в год с 2010 г. (<https://culturalresearch.ru>). Выпуски журнала тематические, каждый из которых редактирует приглашенный редактор, специалист в этой области (например, последний № 4, 2017 года «Феномен жертвы в культуре. The Phenomenon of Victim in Culture» приглашенный редактор доктор философских наук, профессор В.В. Савчук). Материалы, публикуемые в журнале, отвечают самым высоким научным требованиям.

Особо хотел бы сказать об исследованиях, которые проводит академик РАН, директор ИФ РАН А.В. Смирнов, работы которого посвящены анализу логики смысла в культурах. Я думаю, что в этой проблематике сходятся все самые значимые проблемы современной философии. Академик Смирнов показывает, что логика смысла порождает принципы соединения субъекта и предиката в суждение. Смирнов открывает особое состояние мысли и речи, которое философ назвал «связностью». «Чистая связность» – не просто связь или соединение, а некое чувство организованной целостности, данное как интенсивность, сила, напряжение мысли. Так понятая связность оказывается условием самой возможности осмысленного включения человека в мир. Это априорная форма смыслопорождения создается культурой. Теоретическое описание этой априорной возможности смысла и оказывается логикой смысла, или, как говорит Смирнов, логико-смысловой теорией. Философия Смирнова по-своему решает поставленный

Делёзом еще в 1968 году вопрос о логике смысла, которая идет на смену логике знания.

Самым отрадным явлением мира философской мысли России является то, что эта мысль разнообразна. Может быть, сейчас в нашей стране нет таких ярких фигур как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, но обсуждение различных философских проблем идет постоянно на страницах философских журналов, на тех конференциях и семинарах, которые во множестве проводятся в различных университетах.

Jak Pan Profesor postrzega rolę nauki i postęp wiedzy w kontekście współczesnej cywilizacji? Niewątpliwie technika, którą rozporządza aktualnie człowiek pozwoliła mu na rozwiązanie problemów związanych z jego życiem w różnych praktycznych wymiarach. Uczyniła życie człowieka łatwiejszym i bardziej wygodnym. Niemniej rozwój wiedzy naukowej i postęp techniczny postawił człowieka w nowej sytuacji wobec przyrody, a także wobec samego siebie i drugiego człowieka. Człowiek stanął przed nowymi problemami ekologicznymi i moralnymi. Czy sądzi Pan Profesor, że człowiek współczesny rozumie swoją sytuację i jest w stanie udzielić zadowalających odpowiedzi na dręczące go pytania dotyczące chociażby przyrody (ekologii) i problemów bioetyki? Jakie kwestie uznałby Pan Profesor, w wypadku tych dziedzin, za wymagające pilnych odpowiedzi?

ВАК: Современный человек сможет дать удовлетворительные ответы на вопросы, перед которыми его поставил прогресс науки и техники, если именно философия сумеет найти эти ответы. А эти ответы связаны с пониманием того, что в условиях возникновения глобального предметного и социального мира необходимо формирование нового типа мышления – мышления ценностно ориентированного, «участного мышления», как выражался М.М. Бахтин, мышления, которое направляет действие человека не на преобразование предмета, а на создание среды обитания (системного, экологического и т.п. мышления). Необходимо овладеть логикой смысла, а не логикой знания, т.к. первая учитывает что и как значимо для человека, а вторая – только то, что и как связывает вещи. Разработка же логики смысла – это дело философии, дело сравнимое по значимости с разработкой Платоном, Кантом, Гегелем логики познания, ставшей основой европейской науки и техники.

Panie Profesorze, jak Pan Profesor postrzega przyszłość człowieka, zarówno w jego osobowej egzystencji, jak i zbiorowej (ludzkości)? Czy pogląd odnośnie tego, że ludzkość europejska odchodzi od racjonalizmu i pogrąża się w myśleniu irracjonalnym o proveniencji religijnej, bądź też w tzw. materializmie pragmatycznym jest zasadny? Czy grozi nam nowe średniowiecze czy też konsu-

meryzm upadającego Rzymu? A być może jest jakieś inne wyjście? Czy kwestie te warte są namysłu filozoficznego?

ВАК: Конечно, именно эти вопросы и важны для философского осмысления. Да, рационализм Декартовско-Кантовского типа уходит, но его сменяет не иррационализм или религия (хотя иррационализм всяких мистических представлений и религиозные представления оживились в последнее время, во всяком случае, в России), а новый тип рациональности, о котором я только что говорил – это рациональность «участного мышления» и логики смысла, которая стремится описать, понять мир в его неразрывной связи с деянием человека. Со времен Декарта философия и наука мыслила мир в дихотомии *res cogitans/res extensa*, сейчас настало время понять мир как *res gestae*, как деяние, как событие. А это требует работы новой ума, а не переживания мистика или религиозного поклонения.

Вопрос о будущем европейской цивилизации – это важно. Я уже выше затрагивал этот вопрос. Еще раз скажу. Здесь, как думаю, важно уяснить, что будущее на современном этапе развития европейской цивилизации зависит не от типа экономического развития, а от типа культуры. Конечно, экономика сохраняет свою значимость для истории, но возможные формы ее организации уже известны – типы собственности (личная, частная, корпоративная, государственная, общественная, монополистическая) и их вариации уже опробованы, возможность и необходимость планирования уже опробована, контроль за рыночными механизмами уже опробован. Поэтому принципиально новые политико-экономически формы организации цивилизационного развития вряд ли появятся.

Конечно, нельзя сбрасывать со счета, что политико-военные противостояния государств (США – Россия, Европа – Россия, США – Китай, Россия – Китай и т.п.) могут повлиять на будущее развития человечества, даже привести к атомной катастрофе. Но это не результат закономерного развития цивилизации. Если военная катастрофа произойдет – это будет результат неразумных решений правительств. Здесь философия бессильна.

А вот понять в каком направлении развивается современная европейская культура, которая и отвечает за развитие современной цивилизации – это дело философии.

Я считаю, что нынешний этап развития европейской культуры сравним по значимости с этапом становления новоевропейской культуры – культуры *modernity* (культуры Просвещения). Это становление культуры *modernity* произошло в результате многоходовой культурной революции – эпоха Ренессанса породила проект новой культурной ценности (идею частного интереса и свободы), эпоха Реформации подвергла ревизии старую культурную доминату (ревизовала церковное толкование отношение Бога и человека), а эпоха Просвещения утвердила новую культурную доминанту

(истина науки и польза превыше всего). Сейчас европеизированный мир переживает новую культурную революцию, в ходе которой устанавливается новая культурная доминанта и новая система ценностей. Начало этой революции – возрождение идеи самоценности человека и свободы, которая была утрачена бюргерским обществом (это возрождение происходит благодаря Ницше с его идеей сверхчеловека и искусства рубежа начала XX века), второй шаг – ревизия идеи единственности истины (теория относительности, квантовая механика показали, что нет единственной на все времена годной истины, принцип конкуренции теорий еще более утвердил это положение). Теперь вопрос – а что станет третьим этапом современной культурной революции, тем Просвещением Нового времени, которое закрепило доминантные ценности культуры, сделав её культурой Просвещения? Какова новая доминанта, которая идет на смену Истины и Пользы и кто ответственен за её закрепление и утверждение в культуре?

Контуры её более или менее ясны. Это идея индивидуальной свободы, свободы, которая независима от необходимости и долга перед ... (корпорацией, нацией, государством, семьей и т.п.). Вопрос – на чём может держаться такая свобода и может ли она стать основанием общества? Может ли утвердиться культура нового модерна? Думаю, что поиск ответа на этот вопрос – это и есть задача современной философии.

Panie Profesorze, należy Pan do pokolenia, któremu przyszło żyć w czasach, w których w naszej części świata zachodziły daleko idące przemiany polityczne i społeczne. Jak Pańskim zdaniem przemiany te wpłynęły i wpływają na kształtowanie się tożsamości politycznej i narodowej społeczeństwa rosyjskiego?

ВАК: В ответе на этот вопрос я перестаю быть философом, а остаюсь просто гражданином своей страны. Наверное, социологи дают более объективную картину того, как российское общество пережило и переживает происходящие общественные и политические перемены. Я не хочу обращаться к этим исследованиям, хочу поделиться просто своими впечатлениями.

Почти 30 лет прошло с распада Советского Союза. Уже выросло новое поколение людей, которое не знало прежнего образа жизни. По роду своей профессии как профессор университета я постоянно общаюсь с молодыми людьми, 20-летними студентами. Это совсем другое поколение по сравнению со студентам времен Советского Союза. Я не считаю, что оно лучше или хуже, чем прежнее. И у тех и других свои достоинства и недостатки. Главное отличие – прежнее поколение было поколением книжной культуры, нынешнее – поколение «сети»: галактика Гутенберга сменилась галактикой Цукерберга. Прежнее поколение было больше интегрировано

в социально-институциональные отношения, нынешнее – менее социализировано, более самостоятельно. Нынешнее поколение, естественно, более мобильно в географическом и культурном смысле. Они более свободны в своих представлениях, в культурных ассоциациях, но менее способны к выражению своих представлений и ассоциаций.

Короче, появилось поколение, для которого самостоятельность и потребность самовыражения становится нормой жизни. С какой культурой и историей идентифицирует себя это поколение? Несмотря на достаточно критическое отношение к прошлой истории и действующей власти, особенно на местах, несмотря на интерес ко всем проявлениям мировой популярной культуры, думаю, что все-таки те студенты, с которыми мне приходится общаться, ориентированы на то, чтобы отождествлять себя современной Россией. Для них, как думаю и для большинства, современная Россия – это продолжение тысячелетней истории самобытной культуры, это стремлением иметь свое лицо, это то огромное пространство, где разнообразие просто необходимо.

Что касается лично моей судьбы в условиях этих изменений – эти изменения были желанны, в свое время и в студенческие годы, и позже в годы начала университетской карьеры мое поколение вместе с шестидесятниками в меру сил приближало их.

Конечно, для меня, как и для многих других россиян, самым болезненным во все происшедших изменений является распавшееся единение славянских народов. Наверное, в этом виноваты все стороны, и важно, чтобы мы это понимали.

Panie Profesorze, czy człowiekowi współczesnemu potrzebna jest nowa wizja przyszłości, nowy sposób urzędzenia społeczeństwa ludzkiego? Czy należy szukać alternatywy dla demokracji współczesnej?

ВАК: Мне кажется, что на этот вопрос я ответил выше. Что касается форм демократии. Политическая форма организации власти – это дело той или иной страны, того или иного народа. Думаю, что прежде всего в этом соль демократии – пусть решают это те, кто будет жить по результатам своего решения, а не те, кто считает, что вот такая-то демократия должна быть, так как она лучшая.

Panie Profesorze, aktualnie Europa, a wraz z nią członkowie Unii Europejskiej, znajdują się w szczególnej sytuacji politycznej. Sytuacja ta jest szczególna zarówno w wymiarze europejskim, jak i globalnym. W wymiarze globalnym mamy do czynienia z nasilaniem się religijnych ruchów fundamentalistycznych, zwłaszcza islamu oraz z akcjami militarnymi podejmowanymi przez Stany Zjednoczone Ameryki, jak i Europę Zachodnią. To czas konfrontacji fundamentali-

zmów, szczególnie religijnych. Mówi się wręcz o globalnej konfrontacji islamu z chrześcijaństwem. Znaczącymi czynnikami zmian są także ruchy migracyjne i niekorzystna sytuacja demograficzna wśród ludności autochtonicznej państw europejskich. Jakie jest Pańskie zdanie na temat przyszłości Europy i krajów bliskiego nam sąsiedztwa?

ВАК: Конечно, отношения между Европой и Россией в последние годы резко ухудшились. Санкции против России, обвинения России в покушениях на суверенитет других стран и т.п. Причины этих процессов, вероятно, не простые. Пусть этим занимаются политологи.

Но, думаю, две важных причины современных кризисных явления стоит отметить. Во-первых, одной из фундаментальных причин современных политических кризисов является, думаю, конфликт цивилизационных и культурных процессов. Цивилизационные процессы – это глобальное распространение техногенной цивилизации. Исток этой цивилизации – развитые страны Западной Европы и США. Она зародилась здесь в XVII–XVIII веках, укрепилась в XIX веке, а в XX и XXI расширила своё влияние на весь мир. Вместе с этим расширялось и политическое господство стран, которые были колыбелью этой цивилизации, сначала как метрополий колониальных империй, затем – как лидеров технической мысли и обладателей военной мощи. Поскольку техногенная цивилизация была порождением новоевропейской культуры, то вместе с глобальным утверждением этой цивилизации происходило и распространение европейской Просвещенческой культуры. А это не могло не вызвать определенного противостояния с культурами автохтонными. Можно быстро и легко принять блага технической цивилизации, но не легко принять смыслы жизни другой культуры, которые частот прямо связаны с религиозными представлениями. Отсюда то обострение религиозных противостояний, о которых говорится в поставленном вопросе. Почему особенно остро стоит вопрос об исламском фундаментализме, и нет такого обострения с другими религиями в мире? Скорее всего, потому, что это связано с регионом ближнего Востока, его местом в мировой экономике (нефть) и политической раздробленностью (множество мелких и средних государств).

Во-вторых, немаловажной причиной современных политических конфликтов является сохранение в новых цивилизационных и культурных условиях старых форм политических действий. Государства всегда стремились к утверждению своего положения среди других государств с помощью военной силы и дипломатии с позиции силы. Так было и в XX веке – мировые войны, противостояние НАТО и Варшавского договора этому свидетельство и т.п. После падения СССР ситуация вроде бы изменилась, но инерция – властвовать и диктовать, опираясь на силу сохранилась. Что видно было по поведению США и НАТО, которое быстро заняло освобож-

денное от другой силы пространство. Поэтому России захотела вернуть себе силовой суверенитет. А чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее ограничить, найти для этого предлог. Таким предлогом стали события на Украине, которые, конечно, имели внутренние причины, но свое развитие и форму реализации получили благодаря политическим провокациям со стороны. Все последующие события, которые так негативно влияют на нашу жизнь, – это насаждение в мировую политику политики силы, которая в условиях глобализации является абсолютным анахронизмом. Единый цивилизационный мир требует иного типа политики – появление Объединенной Европы стало сигналом этой новой политики. Но США как олицетворение старой политической доктрины постарались этот новый росток задушить. Вряд ли случайно, что именно Великобритания (абсолютный партнер Америки) стала той страной, которая сломала единство Европы, а теперь, благодаря достаточно странному и темному делу Скрипаля, добилась этого единства на основе «дружить против России».

К сожалению, отношения между странами нашего окружения (Россия, Украина, Прибалтика, Польша и ряд др.) также продолжают строиться на принципах старой политики – кто кого? Тому есть причины. Имперская политика бывшего СССР жива в памяти политиков и народов. Не зря же Моисей сорок лет водил евреев по пустыне прежде чем привести их в землю обетованную. Нужно было, чтобы поколение рабов сменилось поколением свободных. Может быть, и нашим странам и народам нужны свои сорок лет пустыни? Возможно, что именно мы, философы славянских стран, да и не только славянских, сумеем внести свою лепту в то, чтобы страны и народы нашего окружения поняли, что современная цивилизация, строящаяся на инновациях, на творческой энергии человека, требует свободного действия человека, а свобода человека – это удел культуры. Каждая культура в своих традициях, в своих ценностях культивирует человека как свободную личность!

wywiad przeprowadziła Katarzyna M. Cwynar